

Э. С. Маркарян

К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ЛОКАЛЬНОГО РАЗНООБРАЗИЯ КУЛЬТУРЫ

На наш взгляд, недавно опубликованная статья В. И. Козлова¹ в целом интересна и стимулирует обсуждение многих важных вопросов, представляющих взаимный интерес как для этнографов, так и для культурологов. К их числу в первую очередь относится затронутый в статье вопрос об общей характеристике культуры. В. И. Козлов склоняется к принятию определения культуры как совокупности специфических способов и результатов человеческой деятельности. Подобного понимания культуры придерживаются сегодня многие исследователи. Мы также первоначально придерживались этого определения, предложив его в своей книге². В дальнейшем, однако, мы пришли к выводу, что дифференциация «способа» и «результата» при базовом определении культуры не вполне верна и внесли соответствующие коррективы. Суть этих коррективов состоит в том, что любые продукты культуры могут быть рассмотрены как результаты человеческой деятельности лишь в конкретно заданных социально-практических ситуациях. Будучи же рассмотрены вне этих ситуаций, в более широкой теоретической перспективе, требуемой для общего определения культуры, эти результаты неизбежно трансформируются в актуальные или же потенциальные средства деятельности, а тем самым включаются в понятие «способ деятельности» системы. И это понятно, ибо продукты культуры создаются не как самоцель, а для последующего использования в самых различных ситуациях осуществления человеческой активности.

Подобный подход создает предпосылки и для уточнения и развития самого понятия «способ деятельности» при объяснении явлений культуры в целом. Прежде всего он позволяет преодолеть узкую трактовку данного понятия, сводимую обычно к умению, способности осуществлять соответствующие действия, и включать в него соответствующие объективированные формы культуры. Определенной моделью построения понятия «способ деятельности» в этом отношении выступает марксово понятие «способ производства», которое органически синтезирует объективированные средства труда со способностью их актуализировать.

О неправомерности общего определения культуры как способа и результата человеческой деятельности свидетельствует и то обстоятельство, что далеко не каждый результат человеческой деятельности может и должен быть интерпретирован в качестве продуктов культуры. Например, следы от костра являются непосредственным результатом че-

¹ В. И. Козлов. Этнос и культура (К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры). — «Сов. этнография», 1979, № 3 (в дальнейшем ссылки на эту статью даются в тексте).

² Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.

ловеческой деятельности. Но могут ли они рассматриваться в качестве продуктов культуры? Хотя однозначно на этот вопрос ответить нельзя, можно с уверенностью сказать, что в подавляющем большинстве случаев следы от костров не относятся к продуктам культуры, а являются побочным результатом человеческой деятельности.

Введение подобного понятия очень важно для анализа многообразных результатов этой деятельности и дифференциации в них продуктов культуры и иных не относящихся к ним составляющих данных результатов. Для нахождения критерия такой дифференциации необходимо установить смысл сделанной выше оговорки о невозможности однозначно ответить на вопрос о том, следует ли считать следы от костра продуктом культуры или нет. С этой целью напомним об обычае некоторых племен отмечать следами костра границы своих пастбищ. Подобное использование следов от костра дает основание интерпретировать их в качестве продуктов культуры.

Где же следует искать критерий, согласно которому одно и то же явление (след от костра) в одних ситуациях выступает в виде продукта культуры, а в других нет? Установление такого критерия возможно благодаря выделению свойства выполнения тем или иным явлением функции внебиологически выработанного средства осуществления человеческой деятельности. В приведенном примере следы от костра выступают в качестве элементов культуры именно в силу того, что они вписываются в процессы человеческой деятельности в качестве одного из знаковых средств ее осуществления. Когда же следы от костра остаются в качестве непреднамеренных³ отпечатков активности людей, то они уже выступают не в качестве элементов культуры, а лишь побочных результатов человеческой деятельности.

Итак, при общем определении культуры кажущаяся на первый взгляд само собой разумеющейся дифференциация способов и результатов человеческой деятельности на самом деле оказывается неправомерной, поскольку подобная дифференциация носит конкретно-ситуативный характер. Столь же неправомерной при базовой характеристике культуры оказывается и разграничение цели и способа деятельности в силу аналогичной ситуативности такого деления. Дело в том, что сами вырабатываемые в процессах общественной жизни людей цели могут быть рассмотрены и интерпретированы в качестве средств человеческой деятельности. Например, характерные для той или иной человеческой общности цели и идеалы, выступая, с одной стороны, в качестве ориентиров и программ деятельности, с другой стороны, являются чрезвычайно важным средством (способом) сплочения и интеграции членов данной общности.

Отсюда можно сделать вывод о том, что обычно используемая при характеристике человеческой деятельности схема «цель — средство — результат» не годится для базовой характеристики культуры, хотя она является вполне правомерной и работающей при анализе конкретно заданных ситуаций. Поскольку способ деятельности есть ни что иное как система средств ее осуществления, то понятие «средство деятельности» выступает в качестве фундаментального, элементарного понятия, с помощью которого может быть описано и выражено любое проявление класса культурных явлений, включая цели и результаты человеческой активности.

³ Сказанное вовсе не означает, что преднамеренность, осознанная запрограммированность является обязательным признаком явлений культуры. Например, такие фундаментальные компоненты культуры как естественные языки или же системы морали, не являются преднамеренно созданными продуктами, а выступают в качестве комплексного результата коллективной деятельности многих поколений людей.

Перейдем теперь от вопросов, связанных с общей характеристикой культуры, к рассмотрению некоторых аспектов проблемы этнической культуры, на которой естественно делается акцент в статье В. И. Козлова. Для осуществления подобного перехода очень важно учесть качественно различные уровни абстракции, на которых строятся общее определение культуры и ее соответствующие характеристики применительно к этническим системам. Если общая характеристика культуры призвана выразить специфику способа деятельности людей в соотношении со способами существования биологических систем, то при характеристике этнических культур мы имеем уже дело со спецификой исторически выработанных способов различных народов, взятых соотносительно друг к другу. Этнические культуры следует отнести к общему понятию «исторически данной культуры». Хотя это понятие и не дает еще возможности непосредственно выразить образуемый этническими культурами ракурс рассмотрения, оно достаточно четко выделяет уровень любого исторического рассмотрения культуры от уровня ее общей, родовой характеристики.

Для выявления же интересующего нас ракурса рассмотрения необходимо выделить две качественно различные проекции исторически данных культур. Одна из этих проекций позволяет дать общетипологические характеристики исторически данных культур, обусловливаемые этапом их развития, а также обобщенно выраженными ландшафтными, особенностями географических условий, в которых они были выработаны и развивались. Примерами понятий, которые призваны дать подобные характеристики, могут служить формационные типы культур и хозяйственно-культурные типы. Очень важно при этом подчеркнуть, что условием способности научной мысли выразить любые общетипологические характеристики исторически данных культур должно быть абстрагирование от присущих последним непосредственных локальных связей со средой. Мы предложили назвать общий класс понятий, призванный выразить эти общетипологические характеристики, «общими историческими типами культур».

Весьма часто в литературе типологическая характеристика культур практически отождествляется с этим планом их рассмотрения. Мы в ряде работ⁴ попытались показать всю неправомочность подобного отождествления, оставляющего вне поля историко-типологического рассмотрения ряд весьма существенных состояний культуры. К числу последних относятся и этноспецифические аспекты культуры.

Вряд ли какой этнограф не согласится с тем, что любая этническая культура представляет собой исторический тип. Но это тип особого рода. Фундаментальная особенность класса типологических понятий, включающего этнический тип культуры, состоит в том, что в них обобщенно выражены конкретно заданные и зафиксированные в соответствующих традициях народов их локальные связи со средой, от которых, как уже было отмечено, абстрагируются общие исторические типы культур. Поэтому этот вид типологических понятий мы нашли удобным назвать «локальными историческими типами культуры».

Существенно подчеркнуть, что в отличие от обычной ограничительной трактовки термина «локальный», призванной зафиксировать «местные» варианты исследуемых явлений, нами данный термин используется для обозначения специфики любой системы культуры (этнической, субэтнической, надэтнической), рассмотренной в определенном пространственно-временном континууме безотносительно к ее масштабу. Подобная трактовка понятия «локальный» задает особую проекцию исследования культуры, указывая на наличие специфического способа ее обобще-

⁴ См., например, Э. С. Маркарян. Проблема целостной характеристики предмета истории культуры. — «История СССР», 1979, № 6, с. 109—113.

ния. Основная цель этого рода обобщения состоит в том, чтобы типологически выразить индивидуальную специфику исследуемых исторически данных культур. Поэтому этот способ обобщения правомерно назвать «генерализирующей индивидуализацией».

В связи со сказанным мы бы хотели отметить, что при чтении статьи В. И. Козлова постоянно ощущается отсутствие системы понятий, благодаря которым этнические культуры могли бы быть отнесены к некоторой характерной для них общей проекции рассмотрения культур, вписаны в более широкое познавательное поле. Используемые им понятия этноса, этнической, национальной, интернациональной культуры и др., явно недостаточны для этой цели. Подобным широким полем рассмотрения в данном случае выступает локальное разнообразие культур человечества, одним из выражений которого и являются этнические культуры.

Правда, последние занимают в этом поле особое место, ибо есть все основания утверждать, что они выступают в качестве основного источника локального разнообразия культуры, подобно тому как виды являются основным источником аналогичного биологического разнообразия. Но это не меняет сути дела, состоящей в том, что наряду с этническими культурами существуют субэтнические, надэтнические локальные культурные типы разных таксономических уровней. И все они должны быть подведены под определенное общее понятие локального разнообразия, также как культуры племен, народностей, наций подводятся под общее понятие этнической культуры.

Значительным пробелом комментируемой статьи можно считать то, что в ней практически не рассматривается причинная обусловленность этнического и вообще локального разнообразия культуры и те объективные функции, которые этот вид разнообразия призван выполнять в общем процессе развития человечества. Это большая и сложная проблема, которую тут не место подробно обсуждать. Отметим лишь, что относительно самостоятельный статус локальности в процессе развития человечества обусловлен прежде всего необходимостью отражения конкретных условий среды, осваиваемой различными историческими общностями людей в процессах их развития и фиксации особенностей этого развития в соответствующих культурах как специфических способах адаптации к среде.

Далее следует иметь в виду, что локальное и прежде всего этническое разнообразие культуры человечества, рассмотренное как его поливариантность, есть одно из существенных выражений его избыточности. А эта избыточность потенциально имеет большое адаптивное значение. Ведь культура, подобно биологическим формам, должна не только отвечать минимуму требований, заданных в настоящий момент условиями среды, но и нести в себе необходимые потенции для достижения адаптивного эффекта в новых, порой резко изменяющихся условиях. Актуализация же этих потенций становится возможной, в частности, благодаря локальной поливариативности фонда культуры как человечества в целом, так и его различных подсистем. Формы и степень выраженности локальной поливариативности культуры могут значительно изменяться на различных этапах общественного развития, но сама она должна быть присущей любому из этих этапов в силу выше отмеченных и иных причин, для выявления которых качественно новые предпосылки созданы сегодня теоретической разработкой понятий принципов самоорганизации. Эти принципы позволяют по новому, в значительно более глубокой перспективе взглянуть на локальное, в том числе этническое разнообразие культуры человечества, и преодолеть часто встречающийся взгляд на это как на лишь недостаточно существенный побочный продукт истории его эпифеномен. Представляется, что и автор обсуждаемой статьи склоняется к недооценке этнокультурного фактора в процессах современного общественного развития (см., например, с. 85, 86).

В этой связи, заканчивая, мы бы хотели специально остановиться на вопросе о значении исследования этнического и вообще локального своеобразия культур. Действительно ли повышенное внимание к этому своеобразию всегда означает уход в прошлое и отвлечение от насущных проблем современности, как это полагает В. И. Козлов? Хотя автор имеет в виду традиционно этнографический подход, тем не менее подобное однозначное утверждение (с. 86) оставляет вне поля зрения новые и весьма существенные процессы в современной науке и управленческой практике, связанные с огромным повышением внимания к изучению локального параметра культуры человечества и его соответствующих единиц развития. Из сугубо академической и периферийной проблемы, исследование данного параметра приобретает на наших глазах чрезвычайно широкое и важное научное и научно-прикладное значение. Это обусловлено в первую очередь тем, что учет индивидуально специфичного параметра истории, находящего свое отражение в локальных традициях народов, выступает сегодня в качестве одного из существенных условий научно обоснованного управления социальными процессами. Весьма значительная и все возрастающая потребность в знаниях, которые могли бы строго научно и достаточно полно воспроизвести локальный параметр культуры, дает знать о себе в самых разнообразных сферах практической деятельности, начиная от социально-экономического планирования и кончая выработкой внешнеполитических стратегий по отношению к соответствующим странам и регионам мира.

Очень большую роль этого рода знания за последнее время приобрели для потенциально чрезвычайно мощного инструмента управления — прогностического имитационного глобального и регионального моделирования, связанного с выявлением альтернатив развития моделируемых систем с целью оптимизации принимаемых решений. И это не удивительно, ибо задача требует введения в создаваемые модели исторического изобретения и тем самым органической увязки в единый узел прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего моделируемых систем. Условием же эффективного осуществления этой задачи является многостороннее изучение динамики культурных традиций этих систем и установление обусловливаемых ими наиболее вероятных траекторий развития. Этнография, по-видимому, является как раз той областью знания, исходная научная структура и целевые установки которой потенциально в наибольшей степени соответствуют этому плану изучения культурных традиций. Поэтому отмеченные процессы в современной науке и управленческой практике могут стать значительным стимулом для выявления новых важных прикладных возможностей и ориентиров развития этнографии. Причем эти ориентиры указывают на одно из главных направлений ее включения в общий процесс научно-интегративного взаимодействия общественных, естественных и технических наук для решения актуальных комплексных задач нашей эпохи.

TO THE PROBLEM OF THE LOCAL DIVERSITY OF CULTURE

In the concept of culture it is the mode of activity that should be regarded as primary, and its effects must be included in this mode if they are not simply its by-products. The differentiation between means and effect, as well as between means and end is always geared to a concrete situation. Further, general and local historical culture types should be distinguished in cultural typology. V. I. Kozlov's paper (*Sovetskaya Etnografia*, 1979, No. 3) fails to present a system of concepts that would express the local diversity of human culture, one manifestation of which is that of ethnic cultures. It also fails to examine the causality of ethnic diversity (and local diversity in general) of culture and the functions it is called upon to fulfill.